

Вопросы уголовного законодательства о каторге и ссылке

УДК 94(571.54):343

*Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас,
Д.З. Жамбалов*

Наказания по уголовным делам хоринских бурят в XIX в.

В статье рассматриваются самые распространенные виды наказаний по уголовным делам хоринских бурят в XIX в., регулируемые нормами обычного права.

Ключевые слова: Устав об управлении инородцев 1822 г., бурятское общество XIX в., система наказаний, суд и судопроизводство, должностные преступления, преступления против общества и нравов, преступления и проступки против личности, имущественные преступления.

B.Ts. Zhalsanova, L.V. Kuras, D.Z. Zhambalov

Criminal Penalties of the Qori Buryats in the 19th Century

The article examines the most widespread types of criminal penalties of the Qori Buryats in the 19th century regulated by the provisions of customary law.

Keywords: Statute on Alien Administration of 1822, 19th century Buryat society, punishment system, court and court procedure, malfeasance in office, crimes against society, crimes against morals, crimes and misdemeanors against the person, crimes against property.

Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных Уголовным Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Особенностью системы наказаний в бурятском обществе в XIX в. и ранее является то, что правовые отношения внутри общества регулировались нормами обычного права [2, 3], кроме так называемых «криминальных дел», изъятых из ведения инородческих властей по «Инструкции пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. Главные положения Инструкции сводились к следующему: малые дела: споры о калыме, воровстве, драки и пр., за исключением «криминальных» дел и убийств, подлежали суду бурятских начальников, что было продиктовано целью царской администрации «дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли»; «когда дело малое», суд мог вершить один начальник, а «когда побольше», то назначали из трех родов по два начальника для судебного процесса [1, ф. 460, оп. 1, д. 118, л. 30 об.].

Необходимо отметить еще один документ, имевший законодательную силу для инородцев – это «Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и постановление в действие узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений», разработанное иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным в 1812 г. Положение расширило судебные функции родоначальников, предоставив им собственное разбирательство в «малых делах». Местное начальство могло вмешиваться в судебные дела только в случае, когда «иноверец сочтет себя решением своего родоначальника и даже тайши, или улусного головы явно обиженным, и принесет о том словесную жалобу земскому чиновнику, и тогда сей последний, не допуская иноверца до судебного места, обязан склонять родоначальников к новому и подробнейшему разбирательству, или к назначению с общего обеих сторон согласия третейского суда» [1, л. 12 об.], решение которого было окончательным. Расширение судебной власти родоначальников вводилось Н.И.

Трескиным с целью освобождения «иноверцев от продолжительной тяжбы в судебных местах».

Устав об управлении инородцев 1822 г. законодательно закрепил применение сибирскими инородцами норм обычного права: «Все кочующие и бродячие инородцы управляются по их собственным степным законам и обычаям». В связи с тем, что законы и обычаи в каждом племени имели некоторые отличия, «притом же сохраняясь поныне через изустные предания, могут быть сбивчивы и неопределенны», местному начальству «предоставлялось от почетных людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному управлению на утверждение» [5, с. 398].

Согласно Уставу 1822 г. были изъяты из ведения инородческих властей следующие виды уголовных преступлений: «1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества» [5, с. 396], которые рассматривались «в присутственных местах и по общим государственным установлениям» [5]. Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородческими властями.

Суд и судопроизводство в бурятском обществе были напрямую связаны с инородческим самоуправлением, выполнявшим еще и судебные функции. До принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. роль судебных органов, назначавших наказания, выполняли должностные лица Степных контор, старейшины рода – «почетные родовичи». Устав 1822 г. учредил трехступенчатую систему местного самоуправления сибирских инородцев: 1) родовое управление; 2) инородная управа; 3) Степная дума. Инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники.

Родовое управление, как первая степень суда словесной расправы, рассматривала исковые дела между инородцами в пределах родового управления. В состав инородческого суда 1-й

степени входили родовой староста, почетные родовичи. В основном исковые дела рассматривались устно по нормам обычного права. Главная обязанность судов словесной расправы заключалась в прекращении частных разногласий между инородцами и в их примирении на основании «степных законов» и обычаев. Решение суда имело силу, если его участники были удовлетворены им. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления, или же разборе дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Инородная управа, как 2-я степень суда словесной расправы, разбирала дела между людьми разных улусов или же, в случае неудовлетворенности решением суда 1-й степени словесной расправы, – родового управления. Состав суда состоял из головы и выборных.

Земская полиция, как суд словесной расправы 3-й степени, могла вмешаться только при наличии жалоб со стороны инородцев на неудовлетворенность решениями суда 2-й степени, которые реально далеко не всегда направлялись ими из-за ряда очевидных причин: 1) боязнь и зависимость населения от должностных лиц, которыми, как правило, были представители знати; 2) безграмотность большинства коренных жителей Сибири препятствовала отправлению письменной жалобы; 3) инородцам запрещалось согласно § 182 Устава 1822 г. без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние большее двух дней пути.

Таким образом, все судебные инородческие дела, кроме «тяжких», решались в пределах родового управления и инородной управы, при этом инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы. По Уставу 1822 г. инородческие суды рассматривали все дела словесно, поэтому в архивных документах практически не сохранилось законченных судебных дел, начиная с подачи искового заявления, расследования, состава суда, решения суда с указанием статей норм обычного права. Памятники обычного права в комплексе с сохранившимися архивными документами позволяют исследовать систему наказаний по уголовным делам хоринских бурят в рассматриваемый период.

Хоринские буряты в судопроизводстве руководствовались нормами обычного права, которые сохранились в письменном виде, как считает В.А. Рязановский, во многом благодаря тому, что «необходимость в ознакомлении с вероисповеданием, управлением, судом и правовыми обычаями бурят заставляла местные русские власти нередко запрашивать бурятских тайш и прочих начальников о вере, управлении, законах и обычаях бурят, те созывали мирские сходы (сугланы), совещались и давали нужные ответы. Эти письменные ответы бурят на запросы русских властей о существующих правовых нормах и юридических обычаях среди бурят, дошедшие до нашего времени, являются одним из источников ознакомления с обычным бурятским правом» [7, с. 152].

Все известные памятники обычного права хоринских бурят были собраны и опубликованы в сборнике «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности» [4] известным бурятским исследователем Б.Д. Цибиковым, который написал к ним обширный комментарий. В сборник вошли:

1) Указ 1759 г. – «самый ранний из известных памятников обычного права забайкальских бурят. В его составлении принимали участие наряду с родоначальниками 11 хоринских родов главы двух селенгинских родов – цонгольского и ашибагатского, и зафиксированные в указе правовые нормы распространялись и на селенгинских бурят» [4, с. 14];

2) Уложение 1763 г. о семейном праве, охоте и борьбе с пьянством;

3) Устав 1788 г. состоит из 10 статей, устанавливающих нормы семейного права (об уменьшении размера калыма с 35 голов скота до 20);

4) Наказ главного тайши Шираб Дамба-Дугар Ринцено галзотского отока зайсану Арсалану Мардаину с товарищами по следующему обстоятельству (1793 г.) – о борьбе с пьянством, развратным поведением, азартными играми;

5) Согласительный устав 1800 г. о правилах торговли;

6) Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, наиболее полный сборник обычного права хоринских бурят, и как отмечается

в источниках, обновленный и исправленный вариант Устава 1780 г.;

7) Приговор 1817 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов;

8) Приговор 1818 г. об истории и характере инородческого управления, об обязанностях должностных лиц, истории тайшинства и т. д.;

9) Приговор от 27 октября 1820 г. о взыскании податей;

10) Уложение 1823 г. 11 хоринских родов об образе жизни и обычаях, являвшийся одним из главных источников Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири 1841 г.;

11) Хоринское положение 1851 г.

В последних двух памятниках обычного права, как пишет Б.Д. Цибилов, «уже чувствуется значительное влияние полуторавековой совместной жизни бурят с русскими и норм права российской государственности» [4, с. 12].

Наказания по уголовным делам, налагаемые по обычному праву хоринских бурят, можно сгруппировать следующим образом:

1) телесные наказания обвиняемого розгами, плетью, как обычный вид наказания;

2) телесные наказания жены и совершеннолетних детей (в случае воровства);

3) штраф денежный или имущественный «яла»;

4) заключение под стражу;

5) ссылка в другое кочевье, в другой род, исключение из общества;

6) религиозное наказание.

Таким образом, за изъятием тяжких уголовных преступлений, в ведении бурятских обществ остались менее тяжкие преступления, и соответственно, менее жестокие наказания. В.А. Рязановский отмечает, что «в древности родоначальниками бурят применялась и смертная казнь и жестокие наказания» [5, с. 195], имея в виду период до присоединения к России.

Самым распространенным видом были телесные наказания розгами и плетью, кнутом. В памятниках обычного права XVIII – начала XIX вв. описываются наказания кнутом, плеткой за «тяжкие» преступления. Например, за намерен-

ное оскорбление или нанесение побоев ламе высокого ранга и должностным лицам местного самоуправления, за оскорбление и избиение родителей, за воровство, за сокрытие преступления наказывались кнутом, плеткой. За менее тяжкие преступления и правонарушения наказывались розгами.

В Уложении 1823 г. 11 хоринских родов, Хоринском положении 1851 г. основным видом телесного наказания является наказание розгами. Розги представляли собой связанные в пучки или используемые по одному побеги ивы (бургаанан – бурят.), березы (хуһан – бурят.) и т. д., тонкие упругие и гибкие прутья, используемые для телесного наказания – порки. В процессе изготовления розог их часто отмачивали в солевой воде для придания им большей упругости. Надо отметить, что особым распоряжением вышестоящего начальства устанавливались розги определенного образца. Так, 21 мая 1848 г. вышло распоряжение Департамента полиции «Относительно наказания преступников розгами», в котором подробно описывается процесс изготовления розог и к нему прилагался образец: «Розги для наказания преступников должны состоять из тонких березовых прутьев, длиной $1\frac{1}{4}$ аршина, а число от 10 до 15 так, чтобы общий объем их в нижнем конце после соединения в пучок имел $1\frac{3}{4}$ вершка ... После 10 ударов розги признаются негодными к дальнейшему употреблению и должны быть заменены другими» [1, ф. 8, оп. 1, д. 162, л. 151 а].

Следующим распространенным видом наказания явились штрафы, которые варьировались от 15 коп. серебром до 91 руб. 25 коп. в зависимости от вида преступлений. Если в ранних памятниках обычного права наблюдается имущественный штраф (яла), то в более поздних памятниках приоритет отдается денежному штрафу. Самыми жесткими наказаниями считались преступления против личности и нравов общества, куда включались не только нанесение увечий, оскорбление словами и действием, азартные игры, употребление вина, но и оскорбление должностных лиц местного самоуправления, за которые полагались самые большие денежные штрафы.

Но самым серьезным наказанием за уголовные преступления, которые рассматривали инородческие суды, было отлучение от рода, выселение за пределы ведомства. Решение о выселении применялось на общем суглане общества. В основном

к отлучению от рода, высылке приговаривались инородцы за многочисленные случаи воровства (более трех) после применения к ним таких видов наказаний, как штраф, как телесное наказание (30 ударов розгами), отдача под наблюдение должностных лиц: «Если и тогда не исправится и опять будет обманывать и воровать и совершать опасные и вредные действия среди населения, то для удаления из Хоринского ведомства просить согласия вышестоящего начальства» [4, с. 102–103].

К приговору прилагались заявления от потерпевших, удостоверения свидетелей. Так, в архивных документах имеются общественные приговоры хоринских бурят о выселении в 1849 г. Хумахан Буянтуева, по крещении Федора Ершова, за многочисленные кражи и дурное поведение «за море Байкал, по Охотскому порту» [1, ф. 8, оп. 1, д. 162, л. 365], селенгинских бурят в 1863 г. об исключении из общества Дамба Цывенова за дурное поведение [1, ф. 2, оп. 1, д. 3331, л. 3–4], агинских бурят в 1871 г о высылке Содбо Санжиева в Мухоршибирскую волость за дурное поведение [1, ф. 129, оп. 1, д. 1850, л. 19–20], Тургинской инородной управы 1888 г. о выселении в отдаленные места Сибири Г. Согтоева (по крещении П. Петрова) и Б. Энкеева за повторные случаи воровства скота [1, ф. 178, оп. 1, д. 345] и т. д. На территории этой же управы отбывали «ссылку» буряты из Баргузинской Степной думы.

Наказания, описанные в памятниках обычного права хоринских бурят, различаются в зависимости от объекта и субъекта преступных деяний:

1. Должностные преступления. Деятельность должностных лиц инородческого самоуправления регламентировалась Уставом 1822 г. и нормами обычного права, однако именно эта жесткая регламентация приводила к должностным преступлениям.

Во-первых, это связано со статьей 142 Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которой должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, «не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу» [5, с. 402].

Во-вторых, общественная служба должностных лиц законодательно поощрялась путем выделения лучших пахотных и сенокосных земель в больших размерах: так, статья 143 Устава

об управлении инородцев 1822 г. закрепляла за ними «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель» [5], статья 82 Хоринского положения 1851 г. определяла, что «среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше» [4, с. 85].

В-третьих, система сбора налогов на содержание местного самоуправления, так называемые «внутренние повинности», предполагала нарушения со стороны должностных лиц. Сборы на внутренние повинности собирались согласно общественным приговорам на содержание местного управления. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием должностных лиц местного самоуправления, само положение о внутренних повинностях предоставлялось на рассмотрение губернатору, губернскому совету и утверждалось генерал-губернатором. Наряду с денежной внутренней повинностью, буряты должны были исполнять натуральные повинности, основную долю которых занимало исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса. Однако бурятским органам местного самоуправления было трудно отрывать людей от хозяйственных работ, отправлять их на дорожные работы на дальние расстояния с лошадьми, орудиями труда, определять наблюдателей за их работой и т.д., да и для самих бурят натуральные повинности были тяжелым бременем. Поэтому выгоднее было собирать дополнительные деньги на натуральные повинности и нанимать работников на договорных условиях, что расценивалось как незаконное действие. Несмотря на противозаконный характер этих так называемых «темных» денежных сборов, бурятские ведомства повсеместно применяли их. Вполне естественно, что такие приходы и расходы нигде не фиксировались и не учитывались и вели к присвоениям части этих средств должностными лицами.

В архивных документах сохранились следственные дела в отношении высших должностных лиц местного самоуправления бурят в XIX в., к которым относились тайши, заседатели и головы. Следствия в отношении высших должностных лиц ор-

ганов местного самоуправления проводились силами местной полиции и изымались из ведения инородческих властей. Это было связано с невозможностью беспристрастного расследования, которое вели бы инородческие начальники в отношении себя. Согласно статье 9 Закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках 1857 г. 1-ю степень уголовного суда составляли уездные суды, городские магистраты, ратуши, суды надворные; 2-ю степень – палаты уголовного суда; высшую же степень – Правительствующий Сенат [6, с. 4]. Статья 13 квалифицировала должностные преступления как уголовные дела в преступлении должностей, или так называемые дела следственные, которые подлежали разбирательству в ведомстве второй степени суда – Палате уголовного суда [6, с. 5], при невозможности разрешения – в высшей степени суда – Правительствующем сенате.

В середине XIX в. большой резонанс получили следственные дела по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления: Николая Дымбилова, главного тайши Хоринской думы, Сахара Хамнаева, главного тайши Баргузинской думы, Иннокентия Муравьева, главного тайши Ольхонской думы, Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской думы, Тарбы Жигжитова, главного тайши Хоринской думы и т. д. Следствия обычно длились несколько лет и выносились самые суровые наказания за должностные преступления. Так, по свидетельству Т. Тобоева, «по решению генерал-аудитора тайша Дэмбилэй был сослан на работы в Россию, а товарищи его, по решению Забайкальского окружного суда, были сосланы на работы в Нерчинский завод» [8, с. 20], И.Н. Муравьев был приговорен к ссылке на жительство в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для его жительства в течение одного года и потом выезда в другие губернии и области Сибири в течение четырех лет и т. д.

Что же касается других должностных лиц, таких как старосты родовых управлений, их помощников, смотрителей экономических магазинов, «допустивших по нерадивости послабление и затяжку в исполнении сбора казенных податей, взыскании магазинного хлеба, а также в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев»,

согласно Хоринскому положению 1851 г. на первый раз заключали на трое суток под тюремный надзор. Второй раз их наказывали при Степной думе розгами установленного образца соответственно вине. За третий раз следовало удаление от должности. Так, в 1868 г. земской полицией велось следствие по растрате общественных денег головой Галзутовым Хоринского ведомства в сумме 1234 руб. 44 ½ коп., приходорасходчиком Хоринской Степной думы Юмцуновым в сумме 3596 руб. 24 ¼ руб. [1, ф. 8, оп. 1, д. 526, л. 696 об. – 697] и т. д., в каждом случае они лишались своих должностей.

2. *Преступления против общества и нравов.* К таковым относятся пьянство, азартные игры. Нормы по борьбе с пьянством и азартными играми содержатся так же во всех крупных памятниках бурятского права. Уложение 1763 г. хоринских бурят разрешало пить «вино» людям старше 40 лет, лицам же в возрасте младше 40 лет и старше 25 лет разрешало пить на свадьбах и обряде «саал» (свадебный обряд), на пирах, а также в случае приезда в гости родственников [4, с. 15–16]. Наказ главного тайши Ринчино зайсану Мардаину 1793 г. почти весь (за исключением последней 9-й статьи) посвящен данному вопросу и содержит запрет на пьянство, распутство, игры в карты, лото и кости [4, с. 19–20]. Практически во всех памятниках обычного права хоринских бурят предусматривались самые суровые наказания за нарушение этих правил: за азартные игры на имущество предусматривалось заключение под стражу на трое суток в тюрьму и наказание 30 ударами розог, а за несанкционированное употребление вина – 15 ударами розог.

Должностные лица также должны были соблюдать нормы по соблюдению запретов на несанкционированное употребление вина и азартные игры, кроме того, им запрещалось решать какие-либо дела в нетрезвом состоянии.

Особое отношение было к ламам, нарушившим нормы по запрету употребления вина и азартных игр. В Хоринском положении 1851 г. восемь глав из 19, 72 статьи из 197 посвящены религии, в том числе 14 статей о «наказаниях за большие и малые проступки». Самыми тяжкими пороками лам считались: прелюбодейство с женщинами, употребление вина и курение табака, воровство и азартные игры, занятие торговлей

и другими видами деятельности, кроме совершения религиозных деяний. За совершение таких проступков лам ожидало строгое наказание: денежные штрафы соразмерно проступку от 15 коп. серебром до 30 руб., телесные наказания 10 до 35 ударами розог, лишение сана и религиозные наказания, как покаяние, обход дацана с молитвой от 100 до 500 раз.

3. *Преступления и проступки против личности.* Наиболее важные преступления против личности, а именно разного рода убийства, не подлежали ведомству инородческого суда, а рассматривались земским судом. Но покушение на убийство рассматривалось хоринцами по обычному праву, причем наказание за него назначалось как за воровство.

Одним из тяжелых преступлений против личности являлось причинение увечий. В случае нанесения во время ссоры тяжелого увечья головы, рук, ног, глаз, зубов или других каких либо органов, виновный должен был содержать и лечить потерпевшего в течение шести месяцев. Если повреждение оказывалось неизлечимым, то виновный обязан был отдать потерпевшему 50 голов скота и отобрать расписку, в которой тот должен дать расписку об отсутствии к нему претензий. Если потерпевший лишился одного глаза, виновный должен был заплатить 25 голов скота, если он одноглазый и лишится последнего глаза, или здоровый лишится обоих глаз – надлежало уплатить 50 голов скота, а виновный в причинении увечья подвергался телесному наказанию.

Существовали также наказания за нанесение увечий голове (возмещение всех расходов, связанных с лечением) за вырывание косы с головы (штраф 3 руб.), за выбитый зуб (виновный отдавал 3-летнюю кобылу за один выбитый зуб, а если много, то 50 голов), во всех случаях виновного наказывали розгами.

Обычаи хоринских бурят содержат наказания за оскорбление словами и действием, в особенности Положение 1808 г. В системе наказаний уже четко прописывается дифференцированный подход: строже наказывается виновный за оскорбление главного тайши, затем других тайш и высших духовных лиц. Так, за оскорбление словами или действием надворного советника главного тайши, виновные подвергаются по суду следующим наказаниям: если виновными окажутся высшие духовные лица (ламы – цорджи, шандзоба, джасак, намсо,

джитба, гурумба), титулярные советники, тайши и высшие инородческие чины, то виновный должен поднести чай в дацан на 3 руб., уплатить нойону (главному тайше) 21 руб. 25 коп. [7, с. 199] и штраф в пользу народа 10 руб.; если виновными окажутся чиновные лица низшего ранга и сайты из простого звания, то виновный должен поднести чай в монастырь на 3 руб., уплатить оскорбленному главному тайше 21 руб. 25 коп. и штраф в пользу народа 10 руб., кроме того предписывается высечь виновного плетью; если же виновными окажутся обыкновенные податные ховараки или миряне, то обязаны сварить чай в дацане на 1 руб. 50 коп., уплатить главному тайше 21 руб. 25 коп. и наказывались двумя ударами плетью по спине, кроме того виновные были обязаны возместить все расходы, связанные с ссорой [4, с. 25]. Наказания за оскорбления других чиновных лиц различаются главным образом размером платы штрафа оскорбленному.

В Хоринском положении 1851 г. следуют другие наказания за оскорбления должностных лиц: если нижестоящее должностное лицо оскорбит словами или действием вышестоящее, то к нему применялись арест в тюрьму от 3 до 5 суток, штраф от 3 руб. до 10 руб. Что касается низших должностных лиц, как писарь, помощник старосты, смотритель магазина, то они наказывались 15 ударами розог, а простые податные – 25 ударами розог установленного образца [4, с. 108]. В архивных документах сохранились свидетельства о наказании бурят: в 1876 г. бурят бодонгутского рода Тутхалтуевской инородной управы Дамдин Занданов был заключен в тюремную избу за оскорбление Читинского окружного исправника Федорова обвинением в получении взяток [1, ф. 294, оп. 1, д. 252], Буда Жигжитов был оштрафован за оскорбление губернского секретаря Вампила Бадмаева [1, д. 265].

Особо выделялись наказания за оскорбление родителей. По Положению 1808 г. за оскорбление родителей полагалось публичное наказание двумя ударами плетью для устрашения и словесное внушение. По Хоринскому положению 1851 г. за оскорбление родителей должностные лица, кроме главного тайши, который был неподсуден инородческому суду, сажались в тюрьму на трое суток, платили в казну дацана штраф

в размере от 5 до 10 руб.; если же низшие должностные лица или податные лица, то наказывались 20–25 ударами розог.

4. *Имущественные преступления.* К таким преступлениям относились кражи, которые рассматривались в исковом порядке. По Положению 1808 г. предусматривались 4 вида штрафа, включая украденное: 1) «голова за голову», когда украденную скотину возмещали натурой; 2) скотина, одинаковая с украденной; 3) половина украденной; 4) четверть украденной. Если же украденная скотина обнаруживалась живой, то штраф взимался в размере одной скотины одинакового достоинства с украденной и вор подвергался телесному наказанию.

Кроме имущественного штрафа, полагалось телесное наказание кнутом не только обвиняемого, но и членов его семьи: жены и совершеннолетних детей. Поймавший вора, получал половину второго штрафа. За совершение кражи другого имущества виновные подвергались телесному наказанию с полным возмещением украденного.

Таким образом, нами рассмотрены некоторые виды наказаний по уголовным делам, рассматривавшихся в инородческих судах по нормам обычного права. В данном случае наказание понимается как мера общественного принуждения, назначаемая по приговору инородческого суда. Для бурятских обществ, на наш взгляд, важным было не только наказание виновных лиц, а в большей мере его исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Российское законодательство о суде, судопроизводстве в бурятском обществе в XIX в. и органы местного самоуправления бурят / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 108–112.
3. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Бракоразводные дела в инородческом судопроизводстве бурят в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический журнал. 2016. № 3 (74). С. 15–19.
4. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Б.Д. Цыбиков. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. 312 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830.
6. Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1857.

7. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк / В.А. Рязановский. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931. 352 с.

8. Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят / пер. Н. Поппе // Бурятские летописи / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1993. С. 5–35.

УДК 94(47)083

А.А. Савилов

**Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов
и проблемы его применения к политическим ссыльным
Иркутской губернии в начале XX века**

В настоящей статье на основании анализа Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. и Положения о полицейском надзоре, учрежденного по распоряжению административных властей 12 марта 1882 г., рассмотрены организационные основы осуществления гласного полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии в начале XX столетия. На основании конкретных практических примеров осуществления гласного полицейского надзора на территории Прибайкалья в начале XX в. автором сделан вывод о существовании упущений в имперском законодательстве, а также о наличии ряда затруднений применения правил указанных выше нормативных актов к политическим ссыльным в Иркутской губернии.

Ключевые слова: политическая преступность, административная ссылка, полицейский надзор, Иркутская губерния.

A.A. Savilov

**Legislation on public police surveillance of the 1880th years
and problems of its application to political exiled the Irkutsk province
at the beginning of the 20th century**

In the article, according to the Regulation on the protection of public order and public tranquility on August 14, 1881 and the